

**ДИНАМИКА ПРИЗНАКА «ОТСУТСТВИЕ ЧУВСТВА ЮМОРА»
У ФИКСИРОВАННОГО ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА
«БРИТАНСКАЯ КОРОЛЕВА»**

И.А. Мурзинова

Аннотация. Исследуется такая особенность лингвокультурного концепта типизируемой личности, как способность к трансформации. Выдвигается предположение о том, что фиксированные по ассоциативному признаку прототипные лингвокультурные типажи в большей степени подвержены трансформации, так как являются более чувствительными к изменениям в поведении прототипной личности, чем дисперсные. Это предположение проверяется на примере изучения динамики одной из значимых для британского социума характеристик современного лингвокультурного типажа «британская королева» – «отсутствие чувства юмора».

Ключевые слова: аксиологическая лингвистика; лингвокультурология; лингвокультурный типаж; лингвокультурный концепт; семантика; ценностные характеристики; британская королева.

В современных исследованиях в области лингвоконцептологии (см., например: [1–4] и др.) внимание ученых всё чаще акцентируется на неустойчивости концептов как ментальных образований, они рассматриваются не только в синхронии, но и в динамике их развития. В методологическом аспекте это отражается на классификации концептов.

Например, М.В. Пименова [3] выделяет постоянно актуальные, неактуальные и переменные («плавающие») концепты. «Постоянно актуальные есть ведущие (ключевые) концепты, неактуальные – второстепенные концепты, переменные (“плавающие”) – периодически становящиеся актуальными и неактуальными» [Там же. С. 48]. Учитывая, что лингвокультурный типаж является абстрактным ментальным образованием, разновидностью концепта (его содержание – типизируемая личность [5]), мы можем аналогичным образом говорить об актуальных и неактуальных лингвокультурных типажах. С появлением в жизни социума, в физическом мире, новых реалий, обозначающих новые материальные предметы, возникают порой совершенно новые понятия и связанные с ними новые представления, знания, ассоциации, переживания, ценности, т.е. формируются новые концепты. С появлением субъектов, ассоциируемых носителями той или иной культуры с этими реалиями (прототипов типажей), в коллективном языковом сознании членов социума возникают и новые лингвокультурные типажи (например, типаж «хакер» ассоциируется в современном языковом сознании с концептом «компьютер») [6]. Если прототип типажа уходит из социальной действительности, начинается процесс угасания соответствующего

лингвокультурного типажа. Этот процесс может быть очень длительным, типаж еще долгое время может оставаться достаточно актуальным, но при отсутствии прототипной личности, того «жизненного стержня», который его «подпитывал», типаж неизменно будет исчезать из социального концептуального континуума.

Таким образом, по признаку наличия или отсутствия в общественной жизни социума реально существующей прототипной личности лингвокультурного типажа все типажи можно разделить на две группы – прототипные (прототипная личность типажа присутствует в качестве реалии в жизни социума, в физическом мире) и непрототипные (личность, являющаяся прототипом типажа, отсутствует в физическом мире). По определению к непрототипным лингвокультурным типажам можно отнести все фикциональные типажи (термин В.И. Карасика), референтной основой которых являются не реально существующие или когда-либо существовавшие, а вымышленные типы личностей (например, типаж «американский супермен» [7]). Примерами непрототипных типажей могут служить практически все исторические типажи (например «гризетка» во французской лингвокультуре [8], «британский колониальный служащий» – в английской [9], «советская продавщица» – в русской и др.), а также, возможно, некоторые угасающие типажи (термин В. И. Карасика).

Таким образом, концепты типизируемых личностей находятся в постоянной динамике. Подчеркивая способность типажей как когнитивных образований к «обрастанию» новыми смыслами, приобретению новых признаков, а также к модификации уже имеющихся характеристик, Т.В. Старцева отмечает, что присущая лингвокультурному типуажу «гибкость ассоциативной составляющей позволяет дополнить существующие представления новыми параметрами, что дает возможность индивидуального переосмысления того или иного объекта» [10. С. 7]. В этом же ключе рассуждает О.А. Дмитриева [8], которая считает трансформируемость одним из существенных признаков любого лингвокультурного типажа.

Из вышесказанного следует, что степень актуальности типажа находится в зависимости, помимо других экстралингвистических факторов, от коммуникативного поведения прототипа данного типажа в реальном физическом мире. Можно предположить, что среди прототипных лингвокультурных типажей наиболее чувствительными к изменениям в поведении прототипных личностей являются типажи, фиксированные по ассоциативному признаку (термин наш. – *И.М.* [11]), если они при этом являются яркими типажам (термин В.И. Карасика) и / или модельными личностями. Динамика таких типажей проявляется наиболее рельефно, так как информация о любых изменениях в коммуникативном поведении прототипной личности фиксированного типажа

достаточно быстро (в связи с активным участием СМИ) распространяется в социуме и, как следствие, создаёт или разрушает стереотипы о типаже, что отражается на его характеристиках (у фиксированных типажей эти характеристики могут до 100% совпадать с характеристиками прототипной личности [Там же]. Дисперсные лингвокультурные типажы (термин наш. – *И.М.*), даже если они и являются прототипными, по определению не могут обладать способностью к столь быстрой трансформации, так как для появления новых или изменения существующих признаков типажу необходимы качественные изменения в поведении большого числа прототипных личностей за короткое время, что едва ли представляется возможным.

Специфика исследуемого нами актуального прототипного фиксированного лингвокультурного типажу «британская королева» в британском языковом сознании заключается в том, что он конкретизируется в одном реальном индивидууме – в личности правящей королевы Елизаветы II. В настоящей статье мы проанализируем в динамике такой признак типажу «британская королева», как «отсутствие чувства юмора», являющегося одним из ярких перцептивно-образных характеристик исследуемого концепта типизируемой личности.

Как показали результаты опроса представителей британской лингвокультуры, который был проведён в 2009 г. в рамках диссертационного исследования, посвященного анализу характеристик лингвокультурного типажу «британская королева [Там же], «британцы очень высоко оценивают качества королевы по утилитарным критериям, в первую очередь, умение с достоинством представлять Британию на международной арене. По моральным критериям отдельные черты характера данного типажу подвергаются критической оценке, осуждаются пренебрежение чувствами людей, равнодушие, холодность, жесткость, отстраненность королевы от своих подданных, скрытность, отсутствие чувства юмора, узость кругозора» [Там же. С. 163].

Стереотипные представления о чрезмерной серьезности типажу «британская королева», видимо, являются следствием определенных особенностей коммуникативного поведения правящей королевы Елизаветы II – она внимательно следит за имиджем короны и делает все, что в ее силах, чтобы поддерживать в сознании британцев благоприятное мнение о монархии, по возможности пресекая попытки высмеять или опорочить королевскую семью. Сообщения, подобные нижеследующему, опубликованному в издании «Тудей» под заголовком «Это нас не развлекло» (“We are not amused”), периодически появляются в британской прессе: “A Spitting Image scene poking fun at the Royal Family has been removed from a store window at the Queen's request. The Queen was not amused when Liberty's in London's West End used the puppets to portray Prince Andrew as Prince Charming, Fergie as Cinderella and Prince

Edward as an ugly sister. A Liberty's staff member said: "We were told a phone call was made from the Palace saying the Queen was not happy and it had to come down". All that was left yesterday was a "display removed" sign" [12]. – Сцена из пародийного ролика «Спиттинг Имидж», в которой высмеивается королевская семья, была удалена из витрины магазина по просьбе королевы. Королеве не показался смешным и кукольный спектакль, показанный в «Либерти» лондонского Вест Енда, когда принца Андрю (второго сына королевы, герцога Йоркского. – *И.М.*) представили в роли сказочного принца, Ферджи (Сару Фергусон, жену принца Андрю. – *И.М.*) – в роли Золушки, а принца Эдварда (третьего сына королевы, графа Вессекса. – *И.М.*) – в роли ее некрасивой сестры. Сотрудник «Либерти» сообщил: «Нам сказали, что из дворца был звонок и что королева недовольна, поэтому пришлось снять спектакль». На следующий день осталось только сообщение «Представление отменяется».

Несмотря на то что описанный выше эпизод в целом отражает стереотипные представления британцев об отсутствии чувства юмора у королевы Елизаветы II, их ожидания, связанные с проявлением ею этого качества, иногда оправдываются. Так, в традиционной рождественской речи 1992 г., обращённой к своим согражданам, королева произнесла следующую фразу: "1992 is not a year on which I shall look back with undiluted pleasure. In the words of one of my more sympathetic correspondents, it has turned out to be an *Annus Horribilis*". В данном случае, назвав 1992 г. «годом ужасов» ("*annus horribilis*" – a year of disaster or misfortune [13]), королева, видимо, прибегнула к аллюзии на события, описанные в поэме Джона Драйдена "*Annus Mirabilis*" («Год чудес» (1666 г.)). Несмотря на восторженное название, Драйден посвятил эту поэму трагическим событиям 1666 г. в Лондоне («Великий лондонский пожар», чума), воспев его как время избавления от бедствий благодаря Божественному вмешательству (при этом первая часть поэмы посвящена героическим сражениям английского флота в войне с Голландией). Такая аллюзия вполне оправдана – тема «Великого лондонского пожара» в поэме "*Annus Mirabilis*" ассоциируется с пожаром в Виндзорском замке 1992 г. Ещё одна возможная аллюзия – на монарха (короля Карла Второго), оплакивающего беды, постигшие Лондон: "Nor with an idle care did he behold; / (Subjects may grieve, but monarchs must redress.) / He cheers the fearful and commends the bold, / And make despairers hope for good success" (John Dryden. *Annus Mirabilis: The Year of Wonders*, 1666, Edition National, 2011). Иными словами, в период всеобщей скорби монарх не имеет права падать духом, его задача – поддержать своих подданных, вселяя в них надежду на лучшее будущее. Возможно, именно этим руководствовалась королева, иронизируя при апелляции к серьёзным, трагическим для её семьи событиям 1992 г. Использование

иронии в данном примере можно рассматривать и как попытку защититься от жестокой реальности. А.А. Горностаева [14] выделяет защитную функцию юмора. Отмечая особенности национального характера англичан, исследователь пишет, что в английской лингвокультуре «иронизирование в тяжелой ситуации помогает скрыть истинные чувства, такие как страх и отчаяние» [Там же. С. 41].

Разумеется, единичного случая изменения прототипной личностью своего коммуникативного поведения недостаточно для разрушения стереотипных представлений о фиксированном лингвокультурном типаже, но наблюдения показывают, что в последнее время коммуникативное поведение правящей королевы претерпевает ряд изменений в части его «комической» составляющей, что и будет рассмотрено далее.

Как было отмечено выше, устойчивый образец поведения прототипной личности фиксированного типажа может привести к формированию нового стереотипа в языковом сознании носителей той или иной лингвокультуры. Как отмечается в культурологическом словаре Адриана Рума, современным британским коллективным сознанием чрезмерной серьезностью наделяется не только Елизавета II, но и королева Виктория. Считается, что известная фраза “We are not amused” («Это нас не развлекло») была произнесена ею как выражение недовольства по поводу того, что придворный конюх спародировал ее поведение. Иронично употребляемая для акцентуации чьего-либо высокого социального статуса, эта фраза ассоциируется сегодня еще и с отсутствием чувства юмора [15. С. 298]. Подчеркивая эту особенность правящей королевы, современные британцы заменяют в фразе “We are not amused” личное местоимение “we” безличным “one”, часто используемым Елизаветой II в речи (“One is not amused”).

Таким образом, поведение современной королевы Британии повлияло на формирование нового стереотипа, связанного с королевой Викторией, которая воспринималась современниками как счастливая и жизнерадостная монархиня. Сегодня же британцы склонны считать викторианскую эпоху не веком процветания нации, а веком строгой цензуры, а саму королеву Викторию неулыбчивой и угрюмой (“a humourless, unsmiling queen”) [Там же]. Данный стереотип, на наш взгляд, также можно объяснить влиянием поведения современной королевы на восприятие британцами типажа в целом. Мы видим, что лингвокультурный типаж «британская королева» подвергается постоянной трансформации под влиянием коммуникативного поведения правящей королевы как единственной реально существующей прототипной личности исследуемого типажа.

Исследуя динамику признака «отсутствие чувства юмора» у типажа «британская королева», рассмотрим фрагменты высказываний британцев, в которых этот признак актуализируется. Приведём наибо-

лее типичное высказывание информанта, полученное в ходе исследования, проведённого в 2009 г. [11], в котором прослеживаются представления о личностных качествах королевы Елизаветы II:

She is very conservative, very straight-laced, hates change, very narrow-minded, cold, aloof, with no visible sense of humour (из ответа информанта).

Она очень консервативна, «застегнута на все пуговицы», ненавидит перемены, с очень узким кругозором, холодная, настороженная, не проявляет признаков чувства юмора.

Компонентный и интроспективный анализ содержания используемых информантом лексем, характеризующих королеву, позволяет выявить ряд оценочных сем (*straight-laced* – “*excessively strict in behavior, morality, or opinions*”, *narrow-minded* – “*having a biased or illiberal viewpoint; bigoted, intolerant, or prejudiced*” [16]) и сделать вывод о том, что подобное поведение не одобряется в британской лингвокультуре. Отметим, что признак «отсутствие чувства юмора» у современного типажа «британская королева» был выявлен нами при исследовании перцептивных характеристик данного типажа в 2009 г. на материале анкетирования британских информантов [11]. В ходе названного исследования нами не были обнаружены какие-либо факты, опровергающие результаты анкетирования британских информантов.

Однако в последние годы в газетном дискурсе, являющемся особенно «чутким» к любым переменам в жизни социума, отмечается новая тенденция, возможно, свидетельствующая о начинающемся изменении, казалось бы, устойчивого стереотипа о неспособности королевы понимать и ценить юмор. Своим возникновением данная тенденция во многом обязана ставшему всемирно известным короткометражному фильму, демонстрировавшемуся во время церемонии открытия Олимпийских игр 2012 г. в Лондоне, в съемках которого участвовала королева Елизавета II вместе с актером Дэниэлом Крейгом, выступившем в образе агента 007 Джеймса Бонда. По сюжету фильма, Джеймс Бонд, знаменитый супергеронт, состоящий на секретной службе Ее Величества, отправляется на аудиенцию к королеве в Букингемский дворец. Во дворце его встречают две собачки породы корги, любимой породы королевы. Когда Джеймс Бонд входит в кабинет Елизаветы II, она сначала его не замечает, внимательно читая бумаги, лежащие на столе. Джеймс Бонд, пытаясь привлечь к себе внимание монархини, осторожно покашливает. Королева оборачивается и приветствует его: «Добрый вечер, мистер Бонд». После этого две знаменитости на вертолете летят над олимпийским Лондоном и десантируются с парашютами на олимпийскую арену. В передовой статье “*In praise of... Elizabeth, the Bond girl*”, опубликованной в газете «Гардиан» от 29 июля 2012 г., находим следующий комментарий к этому популярному видеоролику.

It also enabled a Diamond Queen to reveal a sense of humour hitherto hidden during her 60-year reign. Secure in her jubilee popularity, let's hope she dares to share it again.

Это позволило «бриллиантовой королеве» проявить чувство юмора, до настоящего времени незаметное в течение ее шестидесятилетнего правления. Теперь, когда она убедилась в своей популярности в период празднования юбилея, давайте надеяться, что она отважится снова разделить его с нами.

Анализ данного текстового фрагмента, содержащего типичные стереотипные представления носителя британской культуры о королеве, с одной стороны, позволяет говорить об отсутствии в коммуникативном поведении британской королевы за весь предшествующий период каких-либо ярко выраженных проявлений чувства юмора (этот факт подтверждают и данные за 2009 г., полученные нами при анализе признаков коммуникативного поведения типажа «британская королева» [Там же]), с другой – о некоторой динамике развития исследуемого типажа, характеристики которого, вероятно, начинают изменяться вместе с изменением коммуникативного поведения единственного прототипа фиксированного типажа «британская королева», существующего сегодня в реальном, физическом мире. Действительно, являясь модельной личностью, королева Елизавета II, вольно или невольно, влияет на изменение стереотипных представлений о себе (а значит, и о типаже «британская королева» в целом), что незамедлительно отражается, в первую очередь, в текстах британских СМИ, в частности в текстах газетного дискурса. Доброжелательная коммуникативная тональность высказывания и его содержание свидетельствуют об одобрении факта проявления королевой чувства юмора.

Приведём ещё один пример, свидетельствующий о наличии определенной динамики изменения стереотипных представлений о королеве в британском социуме. В рубрике “Diary” Александра Чэнселлора, опубликованной в газете «Телеграф» от 26 мая 2003 г., приводятся слова рядовой британки, выражающей отношение к короткому шуточному стихотворению, написанному Елизаветой II в гостевой книге в замке своей матери:

I am so glad for the Queen that the recently discovered verse she once contributed to her mother's visitors' book in the Castle of Mey won such approval from the country's leading poets. For it was charming and humorous, especially the lines about the food: “We shall never forget, / Nor could ever repay / A meal of such splendour, / Repast of such zest / It will take us to Sunday / Just to digest”.

Я так рада за королеву, что обнаруженное недавно стихотворение, которое она когда-то внесла в гостевую книгу своей мамы в замке Мей, получило такое одобрение ведущих поэтов страны. Потому что

оно было очаровательным и остроумным, особенно строчки о еде: «Мы не сможем забыть / Так же как оплатить / За столь дивную трапезу / И лишь к воскресенью / сможем переварить» (перевод наш. – И.М.).

В приведенных стихотворных строках королевы возникновение комического эффекта обусловлено преднамеренным нарушением правил коммуникации – правила истинности высказывания и правила преувеличения [17], что обеспечивает успешную реализацию королевой речевого жанра шутки. Семантический аспект шутки в данном случае состоит в обыгрывании несоответствия предметно-понятийного характера: знание о мире («пища обычно переваривается несколько часов») не соответствует тому, что предлагается в стихотворении («пища будет перевариваться “до воскресенья”, т.е. вероятнее всего, несколько дней, даже если мы и не знаем, в какой именно день недели состоялась трапеза»). Важно отметить и отношение автора приведенного высказывания к открывшейся для неё новой стороне личности королевы. Положительную оценку как поэтических способностей королевы, так и её остроумия дают эпитеты *charming* и *humorous*. Мы видим, что содержание и стихотворения, и его шутивная тональность привлекают автора высказывания больше, чем его художественно-техническая сторона («особенно понравились строчки о еде»). В приведённой коммуникативной ситуации королева прибегает к стратегии иронии, являющейся неотъемлемым элементом межличностной коммуникации для англичан. Мы солидарны с А.А. Горностаевой, считающей, что в английской культуре ирония – это «способ проявить корпоративность в диалоге, один из видов речевой игры, которая сплачивает коммуникантов и служит достижению максимального взаимопонимания» [14. С. 46]. Отмечая тесную связь иронии с вежливостью, автор приходит к выводу, что «принцип иронии представляет собой надстройку над принципом вежливости» [Там же]. В рассматриваемом примере благодарность, выраженная при помощи иронической тональности, приобретает оттенок добродушия, не нарушая принципа вежливости. Отметим, что для иронического общения королевой использовались языковые средства, в то время как в приведенном ранее примере с десантированием на олимпийский стадион стратегия иронии была реализована за счёт комичного коммуникативного поведения королевы.

Интерпретативный анализ двух последних примеров свидетельствует о том, что британцам импонирует ироничное коммуникативное и речевое поведение королевы – такой тип поведения характерен для английской лингвокультуры в целом.

Ранее нами уже было установлено, что образ королевы в сознании британцев ассоциируется с общепризнанными культурными ценностями британского общества, преимущественно с добродетелями, которыми должна обладать королева. Эти ценности могут быть пред-

ставлены в виде ряда прескриптивов, обозначающих максимально допустимые пределы отклонения от поведенческой нормы для типажа «британская королева». В числе этих прескриптивов есть следующие: «королеве не следует быть холодной, высокомерной в общении с подданными», «ей следует проявлять душевность, теплоту в общении с подданными», «королеве желательно обладать чувством юмора» [11. С. 159]. Неслучайно британские романисты рисуют в художественных произведениях воображаемые ситуации, в которых королева оказывается максимально близкой и доступной для общения простым людям («Королева и я», «Королева Камилла» Сью Таунсенд, «Необычный читатель» Алана Беннета и др.). Таким образом, британским обыденным сознанием положительно оцениваются любые проявления королевой «человеческих» чувств, в наших примерах – проявление чувства юмора. Это объясняется совпадением ожиданий, связываемых британцами с коммуникативным поведением королевы с реальным коммуникативным поведением Елизаветы II.

Любопытно, что Эл Альварез, британский поэт, новеллист и критик, описал свое отношение к поэтическому дебюту королевы в речевом жанре шутки следующим образом:

It shows a rather sweet side of her I would never have imagined, <...> because when she appears in public, she has that disapproving air to her (статья А. Чэнселора «Дневник» (“Diary”) в газете “Телеграф» от 26 мая 2003 г., URL: <http://www.telegraph.co.uk/comment/personal-view/3591802/Diary.html>).

Это показывает довольно милую сторону её личности, которую я даже представить себе не мог, <...> потому что, когда она появляется на публике, у неё такой неодобрительный вид.

Данное высказывание вполне типично – британцу, привыкшему считать королеву слишком серьезной, человеком с недовольным выражением лица, которое часто бывает у людей, не умеющих шутить и не понимающих шуток (формированию такого стереотипа способствует «неодобрительный вид» (“disapproving air”) королевы во время официальных мероприятий), факт написания королевой стихотворения, да ещё и шуточного, кажется удивительным. В то же время оценка такому поведению королевы даётся достаточно высокая – говорящему импонирует не столько наличие у королевы поэтических способностей, сколько проявление ею такого «милого» качества (“a rather sweet side of her”), как чувство юмора.

Другой британский журналист, Бен Макинтир, в статье «Взгляд на королеву Елизавету II во время празднования бриллиантового юбилея» (“A Look at Queen Elizabeth II in her Diamond Jubilee Celebration”), опубликованной в «Таймс» от 5 июня 2012 г. (URL: <http://www.theaustralian.com.au/news/world/a-look-at-queen-elizabeth-ii-in-her-diamond->

jubilee-celebration/story-fnb64oi6-1226383787047), также отмечает наличие чувства юмора у правящей королевы:

The Queen, it emerges, is actually very humorous, in a mordant, almost subversive way. She has spent a lifetime in strict, protocol-bound social situations, but enjoys nothing more than when these go wrong.

Королева, оказывается, в действительности обладает чувством юмора саркастического типа, как бы «юмора с подтекстом». Она всю жизнь провела в строгих «протокольных» ситуациях, но больше всего удовольствия она получает, когда в этих ситуациях что-нибудь идёт не так.

Лексема *mordant*, при помощи которой говорящий уточняет разновидность чувства юмора, присущую королеве определяется словарями как “(especially of humour) cruel and criticizing in a humorous way”. Во всех проанализированных нами монолингвальных англоязычных словарях отмечается, что это слово чаще всего используется именно для описания юмора, среди наиболее типичных примеров выражений со словом *mordant* – *a mordant sense of humour, mordant wit / humour, a mordant remark*. Любопытно, что в англо-русских словарях под редакцией отечественных учёных мы не нашли примеров употребления лексемы *mordant* в подобных выражениях, т.е. мы можем говорить о лингвокультурной специфике лексических средств, используемых для описания видов и особенностей юмора в английском языке. Лексема *subversive* в словарных дефинициях ассоциируется с политическим контекстом, а не с юмористическим (“trying to destroy or damage something, especially an established political system” [18], “secret and intended to damage or destroy a government or an established system” [19]), тем не менее выражение “subversive humour” достаточно устойчиво в английском языке.

В качестве следующего примера рассмотрим высказывание, принадлежащее личному помощнику и дизайнеру одежды Ее Величества Анжеле Келли (см. статью Эндрю Элдсона «Королева и я, от личного помощника королевы» (“The Queen and I, by Her Majesty's PA”) в «Телеграф» от 9 декабря 2007 г., URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/uknews/1571986/The-Queen-and-I-by-Her-Majestys-PA.html>):

I do worry about her and care about her. But we also have a lot of fun together. The Queen has a wicked sense of humour and is a great mimic. She can do all accents – including mine.

Помощница и личный дизайнер Елизаветы II также указывает на наличие у королевы чувства юмора, уточняя разновидность данного личностного качества британской монархини и определяя его эмоционально-оценочной лексемой *wicked*. В словарных статьях это слово часто приводится в составе выражения “to have a wicked sense of humour”, имеет помету *informal* и определяется как “behaving badly in a way that

is amusing” [19], “playfully mischievous” [13], “slightly immoral or bad for you, but in an attractive way” [18], “slightly immoral but attractive and enjoyable” [20] и т.п., что в результате компонентного анализа даёт нам следующий набор сем, составляющих содержание лексемы *wicked* в приведённом контексте: 1) несколько аморальный, плохой; 2) игривый, озорной, шаловливый; 3) забавный; 4) приятный.

Итак, в настоящее время британская королева, по мнению её соотечественников, обладает чувством юмор в его ироничной, или даже саркастичной, разновидности. М.М. Филиппова, исследовавшая сходства и различия иронии и сарказма, отмечает, что «семантические поля этих двух понятий частично совпадают и они соотносятся друг с другом по принципу “менее интенсивно выраженная характеристика (ирония) – более интенсивно выраженная характеристика (сарказм)”» [21. С. 117]. Иллюстрацией такого типа чувства юмора может служить шутовское высказывание королевы Елизаветы II по поводу грядущих родов у герцогини Кембриджской Кейт Миддлтон во время королевской прогулки в графстве Камбрия (в ответ на вопрос ребёнка «Вы хотели бы, чтобы у Кейт родился мальчик или девочка?»):

I don't think I mind but I would very much like it to arrive because I'm going on holiday soon! («Дейли Телеграф» от 17 июля 2013 г., статья Г. Рейнера “Royal baby: 'I hope it comes soon because I'm going on holiday!' says the Queen on visit to Cumbria”).

Комический эффект в данном контексте достигается за счёт подмены универсальных человеческих ценностей личными «индивидуалистскими» ценностями. Рождение ребёнка – важнейшее событие в жизни семьи, его с нетерпением ждут все члены семьи, так как им хочется поскорее увидеть малыша, испытать счастье общения с ним. Первая часть фразы королевы *I would very much like it to arrive* ничем не примечательна – вполне естественно, что любая бабушка (точнее, прабабушка) очень хочет, чтобы её внук (правнук) скорее появился на свет. Но, неожиданно завершая высказывание словами “...*because I'm going on holiday soon!*”, королева подменяет универсальную общечеловеческую коллективную ценность «рождение ребенка – большая радость для всей семьи» индивидуалистской ценностью «скорейшее рождение ребенка нужно мне лично для того, чтобы я могла скорее уехать в отпуск».

Таким образом, можно говорить о том, что стереотип о чрезмерной серьёзности королевы Елизаветы II и, соответственно, фиксированного по ассоциативному признаку типажа «британская королева», характеристики которого на современном этапе совпадают с характеристиками правящей королевы, в последнее десятилетие претерпевает некоторые изменения под воздействием новых тенденций в коммуникативном поведении единственной реально существующей прототипной

личности данного типажа: признак «отсутствие чувства юмора» начинает трансформироваться в признак «наличие своеобразного чувства юмора». Более детально наличие качественных изменений рассматриваемой характеристики лингвокультурного типажа «британская королева» позволит выявить анкетирование или интервьюирование информантов (представителей британской лингвокультуры).

Учитывая вышесказанное, можно сделать следующие выводы:

1. Изменения в коммуникативном поведении прототипной личности фиксированного лингвокультурного типажа могут отражаться на характеристиках данного типажа.

2. На современном этапе развития типажа «британская королева» один из его значимых признаков – «отсутствие чувства юмора» – начинает трансформироваться в признак «наличие своеобразного чувства юмора».

3. Признак «наличие / отсутствие чувства юмора» является значимым для оценки британцами личности королевы по моральным критериям, поэтому его качественные изменения в языковом сознании социума могут служить индикатором трансформации фиксированного по ассоциативному признаку лингвокультурного типажа «британская королева».

Литература

1. **Воркачев С.Г.** Категориальный синтез: от лингвокультурного концепта к лингвокультурной идее // Известия Волгоградского государственного университета. Сер. Филологические науки. 2009. № 2 (36). С. 4–8.
2. **Карасик В.И.** Языковая кристаллизация смысла. М. : Гнозис, 2010. 351 с.
3. **Пименова М.В.** Политическая концептуальная система // Политическая лингвистика. 2010. № 2. С. 47–55.
4. **Слышкин Г.Г.** Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Волгоград : Перемена, 2004. 340 с.
5. **Карасик В.И.** Лингвокультурный типаж «русский интеллигент» // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы : сб. науч. тр. / под ред. В.И. Карасика. Волгоград : Парадигма, 2005. С. 25–61.
6. **Лутовинова О.В.** Лингвокультурный типаж «хакер» // Политическая лингвистика. Вып. 20. 2006. С. 170–174.
7. **Карасик В.И.** Американский супермен как коммуникативный типаж // Интенсивное обучение иностранным языкам: проблемы методики и лингвистики. Волгоград: Перемена, 2004. Вып. 2. С. 105–113.
8. **Дмитриева О.А.** Лингвокультурные типажы России и Франции XIX века. Волгоград : Перемена, 2007. 306 с.
9. **Деревянская В.В.** Лингвокультурный типаж «британский колониальный служащий» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008. 21 с.
10. **Старцева Т.В.** Когнитивное моделирование лингвокультурного типажа *emigrant* (на материале произведений ирландской литературы XX–XXI веков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2012. 22 с.
11. **Мурзинова И.А.** Лингвокультурный типаж «британская королева» : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2009.
12. **The British National Corpus.** Today. 14530 s-units. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>

13. *Oxford* English Dictionary. URL: <http://www.oxforddictionaries.com>
14. *Горюстаева А.А.* Особенности английского иронического дискурса // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Лингвистика. 2012. № 4. С. 40–47.
15. *Room A.* An A to Z of British Life. Dictionary of Britain. Oxford : Oxford University Press, 1995. 476 p.
16. *The Free* Online Dictionary. URL: <http://www.thefreedictionary.com>
17. *Щурин Ю.В.* Шутка как речевой жанр : автореф. ... канд. филол. наук. Новгород, 1997. 24 с.
18. *Cambridge* English Dictionary. URL: <http://www.dictionary.cambridge.org>
19. *Longman* Dictionary of Contemporary English. URL: <http://www.ldoceonline.com>
20. *Collins* Cobuild English Language Dictionary. London, Glasgow : William CollinsSons & Co Ltd., 1990. 1703 p.
21. *Филиппова М.М.* Когнитивные аспекты иронии и сарказма в преподавании английского языка // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М. : Диалог-МГУ, 2000. Вып. 11. С. 107–128.

DYNAMICS OF THE CHARACTERISTIC “SENSE OF HUMOR” OF THE LINGUISTIC PERSONALITY TYPE “THE BRITISH QUEEN”

Murzinova I.A. Department of Germanic and Romance Languages, the Institute of Foreign Languages, Volgograd State Social-Pedagogical University (Volgograd, Russian Federation). E-mail: imurzinova@yandex.ru

Keywords: axiological linguistics; cultural linguistics; linguistic personality type; linguistic concept; semantics; values; the British Queen.

Summary. The linguistic personality type having the characteristic of transformability, an assumption that “fixed” personality types are more sensitive to changes in the behavior of the prototype personalities than the “disperse” ones and, therefore, can transform faster, is put forward. This assumption is verified by studying the dynamics of the “having no sense of humour” characteristic attached to the Queen in the British society.